

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 930.1

М.С. Колесов, д-р филос. наук, профессор

Севастопольского национального технического университета

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 999053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ: РЕЖИ ДЕБРЕ

Рассматриваются взгляды французского философа-марксиста Режи Дебре на феномен латиноамериканской революции.

«...Когда политика вырождается в мистику, она прибегает к риску победить больше на небесах, чем на земле».

Режи Дебре «Горячий снег»

Французский философ Режи Дебре больше известен отечественному читателю по своей книге «Революция в революции?», написанной в 1967 году в связи Кубинской революцией (См.: Колесов М.С. Философия революции: Эрнесто Че Гевара //М.С. Колесов – «Вестник СевГТУ. Философия». 2005. №69 с. 3-26.). Между тем, после этого им были написаны несколько более значительных работ, среди которых особое место занимают две книги под общим названием «Критика оружия», вышедшие в свет во Франции в 1974 и 1975 годах. Именно в этих книгах Дебре формулирует свое собственное понимание революции вообще и латиноамериканской революции в частности.

Прежде всего, он отмечает, что в первые годы после победы кубинской революции спонтанно возникли многочисленные попытки подражания, которые стоили очень дорого. Наконец наступил момент, когда стала очевидной необходимость положить конец этому «беспределу» расточения сил и пролития крови. Необходимо было внести в этот стихийный процесс некоторую упорядоченность и координацию. С этой целью в Гаване в 1966 году была созвана конференция «Триконтиненталь», на которой присутствовали делегации из латиноамериканских стран. По инициативе председателя Чилийской соцпартии Сальвадора Альенде была создана Организация Солидарности стран Латинской Америки [OLAS], первая конференция которой состоялась в августе 1967 года. «...Ее цель была срочная и прагматичная, – пишет Дебре, – ...предоставить Че аппарат политической, военной и психологической поддержки, прорвать его политическую изоляцию, максимально нейтрализовать враждебные партии, обеспечить его тыл в смежных странах и, этим опосредованным образом, создать во всех частях, где было возможно, благоприятные условия распространения вооруженной борьбы, начиная с боливийского очага» [1, с. 12-13].

Но эта конференция была созвана слишком поздно и не могла уже практически помочь обреченному в военном окружении отряду Че, уничтожение которого привело к тому, что организация ОЛАС потеряла свой смысл. Но эта организация дала импульс процессу координации партизанского движения, появившегося и распространившегося в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Гватемале, Колумбии, Уругвае и других странах.

«Единственный закон, который история не опровергнет никогда, состоит в том, что она опровергает всегда то, что от нее ждут», – замечает по этому поводу Дебре [1, с. 14].

Убийство Че мгновенно породило «бурлящую лихорадку посмертных его учеников, которые раньше себя ни как не проявляли, и которых он сам не потерпел бы ни минуты». На «продажу» была выброшена этикетка «геваризм». Для «переростков» революции сослаться на его имя стало отличительной манерой поносить социализм. «...Когда Че исчез со сцены, можно было заметить, что весь мир в Америке стал, с той и другой стороны, геваристским, но так никем не было достигнуто согласия относительно того, что такое «геваризм» [1, с. 17].

Дебре обозначает «континентальную революцию» как *идеальную конвергенцию* революционных процессов. Она присутствует в духе и воле латиноамериканских революционеров, но не является *реальностью*. «Если социалистическая революция в «двадцати Латинских Америк» не может быть «континентальной», то тем более она не может иметь свой календарь. ...Каждый национальный процесс имеет собственные часы... Революция не экспортируется из одной страны в другую... Все приходит в свой час к тому, кто умеет руководствоваться своими собственными часами, а не часами соседа» [1, с. 19].

Однако приближается время обобщения опыта и консолидации усилий латиноамериканских революционеров, достижения «единства многообразия». Дебре заключает: «Народ без оружия был бы, таким образом, моментально разбит. Оружие без народа – также. Дай Бог, чтобы конструктивная критика не повредила победе народов с оружием в руках» [1, с. 24].

Свою первую книгу «Критика оружия» Режи Дебре начинает с вопроса: *что такое революция*, и с цитаты Ленина о том, что *всякая революция начинается с войны против приспособленцев*.

Прежде всего, Дебре обращается к важному, с его точки зрения, вопросу о классовом характере латиноамериканского революционного движения. Курьез кубинской революции: *Куба пошла по пути социализма, не успев скорректировать свое решение с текстами марксистских классиков*. Ни один факт в истории не является доказательством, потому что уже классификация фактов является выражением определенной идеологиче-

ской позиции. В качестве примера Дебре приводит Ленина, в полном собрании сочинений которого можно найти подтверждение любой точки зрения, как и ее опровержение. И, тем не менее, невозможно под схоластическим предлогом, что вопрос о революции уже давно решен на практике, отвергать необходимость его научной разработки в настоящее время. Все сводится к проблеме определения, так как главные политические различия берут свои начала в простых идеологических оттенках.

«Делать политику» – это значит заниматься классификацией сил. А классификация – это проблема «слов». Любая политическая борьба начинается со словесной «склоки». Выбор главного врага, революционной цели, ее движущих сил и руководящей силы – от определения этого зависит политический выбор. Любой политический авангард ставит перед собой задачу провести «демаркационную линию» борьбы. Но определение классовой структуры и классовой борьбы в любой латиноамериканской стране зависит от положения Латинской Америки в мировой классовой структуре. Любая политическая тактика, не основанная на реальном движении в национальных рамках, не только неэффективна, но и опасна.

Вопрос – в том, каким словарем при этом пользоваться. «Любое определение принуждает к терминологии, любая терминология постулирует идеологию» [1, с. 31].

Так, на «принятом» языке Латинскую Америку относят к так называемому «Третьему миру», хотя этот термин не несет в себе определенного смысла. Между тем «латиноамериканская солидарность – географический факт, – не есть волюнтаристская утопия, а есть историческая данность; она основана на общих цивилизации, языке, религии, прошлом». Пренебрежительная индифферентность Маркса к Латинской Америке, – «*никто не может опередить свою эпоху*», – оказала влияние на судьбу континента в рамках социалистического движения. Речь идет о памфлете Маркса против Боливара и его поддержке вторжения США в Мексику. Ленин был в этом более проникновенен, помещая Латинскую Америку не среди Азии и Африки, а на стороне Европы. Ленин заметил, что национально-освободительное движение в Латинской Америке совпало с ростом революционного движения в Европе в XIX веке, обратив внимание, вместе с тем, на неравномерность социально-экономического развития латиноамериканских стран. И все-таки Латинская Америка сравнительно поздно заинтересовала коммунистическое движение. Это произошло после начала революции в Мексике (1910 г.) и последовавшей за ней гражданской войны. Однако на IV Конгрессе Коминтерна (1925 г.) первые латиноамериканские компартии, – чилийская и кубинская, – были подвергнуты критике.

Партизанская война Аугусто Сандино (которого Анри Барбюс назвал «генералом свободных людей») против североамериканских оккупантов в

Никарагуа получила официальную поддержку со стороны Коминтерна. Первая конференция компартий стран Латинской Америки состоялась в 1929 году в Буэнос-Айресе. Однако, ориентируясь на директивы Коминтерна, компартии пошли «против течения» революционной борьбы в своих странах. США оказались вне поля их критики и политики, особенно в период Второй мировой войны. Серьезные последствия для революционного движения в Латинской Америке имело Стокгольмское воззвание к борьбе за мир (1950 г.), многим компартиям было запрещено участвовать в вооруженной революционной борьбе. Так случилось на Кубе, когда компартия не поддержала партизанское движение Фиделя Кастро, которое было лишь «кучкой путчистов и утопистов». «Эта долгая история оставила много ран», – пишет Дебре [1, с. 43].

Но Латинская Америка постепенно вошла в западный капиталистический мир, с которым ее объединяет не только общие исторические корни, но и эллино-христианское наследие. Несмотря на индейское прошлое и негритянское смешение, Латинская Америка имеет ту же цивилизацию, что и Европа, «Америка есть ее дочь».

Отсюда Дебре делает следующие выводы:

Во-первых, революционная борьба в Латинской Америке не является «колониальным или национальным вопросом», так как она глубоко отличается от борьбы народов Азии и Африки. Латиноамериканское революционное движение не есть «национальное освободительное движение», то есть борьба за национальный суверенитет государства. «Это – ошибка, в которой на карту поставлена жизнь» [1, с. 47].

Во-вторых, латиноамериканская революционная борьба не интегрирована в антикапиталистическую борьбу демократически развитых стран. Она не связана с мировым рабочим движением против монополистической системы государства. Патриотизм и антиимпериализм являются ее основными движущими силами, которые находят свое выражение в индивидуальной форме. Это – особый тип *национальной* борьбы, в которой сочетаются буржуазно-демократические и социалистические задачи. Здесь смешивается «революционная гражданская война» с «народно-освободительной войной».

По мнению Дебре, те, кто пытаются приписать этой борьбе антикапиталистический характер, делают большую услугу империализму, отдаляя революцию от ее конкретных задач. «...В политике дороги наиболее короткие не являются наиболее краткосрочными» [1, с. 49]. Они не понимают, что капиталистическая зависимость есть, прежде всего, политическая зависимость, которая переносится на нацию в целом.

Дебре отмечает, что в отличие от идеолога, который принимает политическую программу слово в слово, историк обязан, прежде всего, задать вопрос, кто является носителем этой программы, так как действенность этой

программы зависит от того, кто ее проводит. Идеи трансформируются в материальную силу, когда преобразуются в материальность партии, определенной социальной группы. Так носителями революционной идеи в Латинской Америке, после победы кубинской революции, были, в своем большинстве, представители мелкой и средней буржуазии. Но так как речь шла о завоевании власти эксплуатируемыми классами, о построении социализма, то это соответствовало интересам рабочего класса. Поэтому перед командирами, бойцами и просто «симпатизирующими» революционной борьбы стояла задача идентифицировать себя с этим классом, не имея рабочего происхождения. Таким образом, здесь появлялось некое несоответствие между классовым содержанием борьбы и классовым характером ее участников.

Эта тема «несовпадения» очень активно обсуждалась в печати по поводу Фиделя Кастро. На Кубе патриотическое чувство объединилось с социалистическим устремлением. «Куба – да, янки – нет!». Исторический промежуток между кубинской партизанской войной и последующей партизанской войной в Латинской Америке был заполнен словом «революция». «Игрались со словом, не предвидя опасности». На Кубе «революция» означала разрушение тирании, смену правительства и возвращение к Конституции. В Латинской Америке «революция» означала разрушение буржуазного строя, изменение способа производства и установление социалистической законности. Так, по крайней мере, ее понимали враги, хотя не все ее участники это понимали. Метод борьбы – партизанская война, – был тем же, что и на Кубе, но ее *классовое содержание* было трансформировано. «Латиноамериканская революция должна была начать с той точки, с которой закончила кубинская» [1, с. 67].

Либеральная, но антикоммунистическая, мелкая буржуазия уже не могла подталкивать колесо национально-освободительной революции, которая могла привести на своем фланге к диктатуре пролетариата. Поэтому ошибочно порицать ее поведение, которое определяется классовым сознанием. Не всегда врагами являются те, которых желал бы. Если бы латиноамериканская революция могла выбирать своего врага, она удовлетворилась бы империализмом и его сателлитами среди господствующего класса. Но, попытавшись быть антиимпериалистической, она оказалась антикапиталистической. Потому что буржуазия считает себя атакованной в основах своей экономической власти, ее образа жизни, в способах дохода, в моральных и политических ценностях. Так революция приобрела новых врагов.

Между тем Дебре считает, что буржуазная и пролетарская революции не представляют собою антиподов. Задачи «национального освобождения» и «социализма» не составляют некую иерархию: сначала решаются первые, затем – вторые. «Вооруженная революция в течение последнего десятилетия находилась зажатой в диалектике: *«не более» и «еще нет»*. Никакая

буржуазно-демократическая революция в Латинской Америке *уже невозможна*, потому что не стоит на повестке дня, в то время как *социалистическая* революция, вписанная заглавными буквами в эту самую повестку дня, *еще не возможна*. Первая имеет возможность как режим государства, но не как народная революция» [1, с. 72].

В результате эпоха разрушения капитализма и перехода к социализму удобна для движений, названных Лениным «национально-демократическими», которые являются в то же время народными по своей социальной базе и буржуазными по своей политической программе. Во второй половине XX века, в зависимых странах включительно, которые называются «отсталыми», уже нет буржуазных революций. Но господствующие классы, которые не располагают силами, необходимыми для проведения буржуазной революции, и чтобы стать действительно независимыми от имперской метрополии, однако, имеют их в нужный момент для воспрепятствования приходу социалистической революции. Поэтому во многих местах *герилья* функционирует, так сказать, как *ширма* на том пространстве, где еще нет материальной поддержки для ее политического проекта, ни социального класса, который выступит по мере того, как его силы будут отоброшены и организованы.

Со времен кубинской революции следует различать понятия «революционная война» и «народная война», потому что первая не есть вторая, а есть война *авангарда*. Однако, как отмечал в свое время Че, партизанская война, *герилья*, есть народная война в том смысле, что без поддержки народа она обречена на поражение; «*герилья* есть боевой авангард народа».

Добре отмечает необходимые «ограничения» партизанской войны.

Во-первых, «ограничения в пространстве»: Термин «партизанский фронт» означает совсем не то, что в военном деле (передовая линия боевых действий), а группу партизан, действующих в определенном, иногда изолированном, районе, т.е. там, где находится *авангард*. Во-вторых, «ограничение во времени»: Контроль за территориальным пространством сохраняет контроль за развитием операций. Пока существует *авангард*, продолжается война. Уничтожение *авангарда*, физическое или политическое, ведет к ликвидации войны. Поэтому война *авангарда* должна быть вынуждено короткой.

В то же время выражение «война авангарда» оскорбительно для революционного *авангарда*, который сам считает, что он есть передовой отряд народа в революционной войне, которая рождается не спонтанно, а как длительная акция партий и партизанских отрядов в горах и в городах. «Народная война есть парадигма всей революционной войны».

Но народная война продолжительна постольку, поскольку она наступательна. Ответ на вопрос о том, «как осуществлять такую войну?», зависит от ответов на вопросы: «зачем?» (каковы ее цели) и «против кого?» (кто

классовый противник). «Историческая матрица партизанской войны – это война народная». Но ее условия произвольны и создаются проникновением различных противоречий, которые двигают современным миром. Дебре признает, что высказанный в его работе «Революция в революции?» прогноз, относительно расширения партизанской войны от *очага* к *периферии*, не подтвердился. Однако в военном плане дилемма вооруженной борьбы осталась прежней: либо расширяться, либо умереть.

Эта неспособность жить в настоящем, пережить настоящую ситуацию, сосредоточить свое внимание на актуальном моменте, замена этого устремлением в будущее, которое предполагается, постоянное смещение момента и задач завели многие движения в тупик.

По мнению Дебре, «война авангарда» и «народная война» (как во Вьетнаме, например) – это два отдельных мира, каждый из которых имеет свои методы, свою атмосферу, свой особенный дух. Одну он сравнивает с математикой, другую – с алгеброй. «Война авангарда» отделяет все то, что присуще «народной войне». Эти два «универсума» практически похожи, но теоретически несовместимы. Мир *авангарда* – это мир индивидуализма, мир *народа* – это мир коллективизма. Первый намеривается *взять* власть сверху, второй – *построить* власть снизу.

«Фундаментальным искусством» народной войны Дебре называет «искусство сопрягать» *противоположные* формы и методы борьбы, укреплять их в их противоположности, так как «*условия существования и развития каждого феномена присутствуют в противоположном феномене*» [1, с. 97]. Он ссылается на Клаузевица, который говорил, что *война есть деятельность духа*.

«Фундаментальный стратегический вопрос» партизанской войны – это тыловое обеспечение борьбы *авангарда*. Лишь поступательное вовлечение народа в войну позволит *авангарду* избежать изоляции и ликвидации. Тыловая база поддерживает партизанский отряд своими резервными силами, связью и снабжением. Между тыловой базой и отрядом такие же отношения как между экономикой и политикой.

Дебре цитирует Энгельса: «шпаги не растут на деревьях». Для сражения со шпагой необходимо иметь под контролем место, где под землей находится железо, людей, чтобы извлечь его, кузницу и кузнецов, чтобы превратить минерал в шпагу.

Более того, – тыл превращается в само бытие *герильи*, смысл которой – жить и умереть, защищая народ. Здесь партизанская армия перестает быть вне закона и устанавливает свои законы и свою администрацию. Поэтому борьба за установление *опорных баз* есть борьба против сознания «вне закона». Дебре уже не утверждает категорично, что «опорная база находится в рюкзаке партизана» («Революция в революции?»). Только когда

герилья приобретает политическую поддержку масс, она может рассчитывать на снабжение и рекрутское пополнение.

Однако условия Латинской Америки отличаются от других. В большинстве латиноамериканских стран «центры притяжения» населения находятся в городах. Поэтому в географически благоприятных условиях ведения партизанской войны *герилья* оказывается в *пустыне* слабо населенных территорий, не имеющих экономического и политического значения. Поэтому в этих странах *герилья* не достигла цели создания *опорных баз*. Куба, в этом смысле, была исключением. К тому же, отсутствие общей границы с дружеской страной, на поддержку которой могло бы рассчитывать партизанское движение, (например, Китай для Вьетнама), тоже определяет особенности Латинской Америки. При этом военное вторжение армии США на территории маленьких государств, при явном техническом ее превосходстве, играет решающую роль. Трудно найти в любой части континента *герилью*, которая смогла бы выжить, не имея возможности отступить на территорию соседнего «нейтрального» государства.

«Воевать, чтобы выжить, а не выживать, чтобы воевать, или порочный круг снабженческих нужд» [1, с. 125].

Так формулируется альтернатива: *база или мобильность*.

Здесь Дебре ссылается на тезис Че Гевары: «постоянная мобильность, постоянная настороженность, постоянная недоверие». Но опыт показал, что, если *герилье* не удастся создать во время *опорную базу*, начальные преимущества ее *мобильности* обернутся против нее. «Партизанская база может быть определена как расположение «включения тока», где боевой отряд как маленький мотор должен подключиться к энергии масс для того, чтобы подзарядить свои батареи» [1, с. 140].

Общей чертой для всех латиноамериканских партизанских движений является неспособность сохранения инициативы на долгий срок. Когда *герилья* переходит в наступление и наносит урон врагу, она теряет свои силы. Но когда она стремится сохранить свои силы, то не наносит большого урона врагу и не угрожает равновесию власти. Эрнесто Че Гевара вел активные боевые действия в Боливии и его *герилья*, в конце концов, была уничтожена. Колумбийская *герилья* стремилась сохранить свои силы, но ради чего? «...Этот дефект трансформирует тактическое оперативное поражение в потерю политической инициативы».

Кризис латиноамериканского повстанческого движения Дебре видит в кризисе «революционного тыла». «Перестройка *авангарда* произойдет без какого-либо сомнения через перестройку *тыла*» [1, с. 145].

Что такое авангард? – задает вопрос Дебре. И приводит высказывание о марксизме Фиделя Кастро в 1965 году: «...Это есть диалектическая и революционная, а не религиозная доктрина, попытка вписать что-то в этот ка-

техизис марксизма есть разновидность антимарксизма. ...Но марксизм не есть частная собственность, которая вписана в Регистр, а есть доктрина революционеров, написанная революционером, развитая революционерами для революционеров» [1, с. 146].

Дебре считает образцом ортодоксальности противопоставление идей «партизанского очага» и «марксистско-ленинской партии»: «фокизм [фосо – очаг] отрицает руководящую роль партии рабочего класса и передовой теории, которой она следует». Отвечая на критику концепции «авангарда», изложенную в «Революция в революции?», он заявляет, что она «не является ересью, хотя и переходит границу ортодоксии». Он полагает, что лишь «прочитал» «Что делать?» в свете латиноамериканского опыта 60-х годов и нашел немало общего. Ведь идея «авангарда», горячо защищаемая Лениным, есть ничто иное, как синоним «организации» как интеллекта классового сознания, выражающего отношение между теорией и классовой борьбой, между политической и экономической борьбой. Ленин понимал под «партией» профессиональный авангард. Поэтому концепция «партизанского очага» буквально использует ленинские термины: партия – пролетарская армия, центральный комитет – главный штаб, члены партии – бойцы, школа кадров – школа войны и т.д. Если партия строится по модели армии, то почему ее не перестроить в саму армию? Это не только теоретическое предположение, но и идеологическая аналогия, увиденная Че в свое время.

«Так всякая социальная борьба на своем пике превращается в борьбу за власть, а всякая политическая борьба, в конце концов, – в военную борьбу, оставляя политике весьма малое место» [1, с. 152].

Поэтому не следует удивляться некоторым аналогиям между ленинизмом в начале века и «фиделизмом» в 60-е годы. Дебре считает нужным оговориться, что он не пытается прикрыться авторитетом Ленина: «Напомним еще раз, что Ленин не был более «ленинистом», чем Маркс «марксистом», и что нельзя превращать в неизменную и неприкосновенную «принципиальную позицию» исторически определенный ответ на комплекс конкретных условий» [1, с. 156].

Поэтому он называет «фальшивой» проблему: партия или *авангард*. «Партизанский отряд есть партия в форме оливкового цвета» [1, с. 157]. «Фокизм» и «наивный ленинизм» это «параллели», которые, в конце концов, сходятся в один «вектор». Разница только в методах.

Но за этой «фальшивой» проблемой скрывается истинная проблема: отсутствие «теории организации».

Так, известно, что у Маркса нет «теории организации», нет теории «партии». Партия есть *пролетариат, осознавший самого себя посредством революционного действия*. Идея партии предполагает отделение от самого класса, возможность привнесения классовой истины извне. «Построение

из пролетариата класса есть коммунизм». Такие понятия как «штаб», «централизм», «военная дисциплина» и пр. отсутствуют в марксизме. Факт, утверждает Дебре, что в России для осуществления революции 1905 года (и в феврале 1917-го) пролетариат не нуждался в партии.

В любом случае необходимо учитывать практический опыт и теоретические исследования, аккумулирующие его, для поиска правильных решений в актуальных обстоятельствах, чтобы избежать непредвиденных тупиков. «Мы пришли к социализму Маркса путем «политиканства» некоего Ленина, наскоро проглоченного, – к теории от практики» [1, с. 171].

«Класс командует ружьем». Политика есть борьба классов, которые оспаривают власть. Революционная война есть продолжение революционной политики другими методами; и революционная политика не может отделиться от защиты экономических интересов революционных классов. Что такое «революционные классы?» Это «массы», формирующие классы, которые заинтересованы в данный момент в уничтожении политической власти господствующих классов.

Поэтому неважно, каким образом решается вопрос о формах организации борьбы, без того, чтобы, прежде всего, не задаться вопросом: «какой классовый интерес выражает *герилья*»? Разрабатывать технические вопросы методов борьбы, независимо от того, каким целям и идеалам служат эти методы, разрабатывать проблемы организации *авангарда*, безотносительно того, чьим *авангардом* он является, это «путать следствие с целью и делать шаг вперед в пропасть» [1, с. 172].

Так, выбор *деревни* (сельской местности) как главной территории ведения революционной *герильи* в принципе отвечает военной доктрине: *народная армия* должна формироваться в *деревне*. Но на самом деле все произошло наоборот: в сельскую местность были заброшены главным образом студенты или другие городские жители, которые не имели представления об условиях жизни в сельских районах. Сельская местность без крестьян – это абстрактное, неисторическое, пустое место на карте «главного штаба». В этом смысле революционная *герилья* не была крестьянской войной.

Но выбор сельской местности как главной почвы вооруженной борьбы может достигнуть поставленной цели лишь в том случае, если она отвечает объективным потребностям крестьянства и воспринимается им как освобождение от его ига. В результате, «*герилья* есть ничто иное, как военный метод для взятия политической власти, таким же образом, как революционные кадры есть ничто иное, как инструмент, предназначенный служить классу, который они избрали или которому они принадлежат по происхождению, таким же образом, как жизнь революционера есть ничто

иное, как средство достижения задачи, поставленной не им, но на почве и в истории живущих народов» [1, с. 185].

«Пролетаризация» стоит на повестке дня во всей Латинской Америке. «Не организация «делает» революционную борьбу, а революционная борьба делает организацию. Революция слишком серьезна и слишком огромна, чтобы быть вопросом меньшинства профессиональных революционеров, опирающихся лишь на сознательных рабочих, она может быть лишь работой всех неорганизованных и необразованных» [1, с. 190].

В теории и на практике возможны, таким образом, два пути организации: «большевистский» и «еврокоммунистический». Но для Латинской Америки оба пути «закрыты». Новые *авангарды* формируются в исторических условиях, в которых невозможна ни действенная *пролетаризация* снизу, ни теоретическая *пролетаризация* сверху. В наличии нет теоретического фундамента, который не создается из книг, а формируется на пересечении международного опыта и «минимума интеллектуального багажа».

Большая часть латиноамериканских стран находится в изоляции от остального мира, вынуждена жить в состоянии международной дезинформации. Это представляет «объективный элемент» теоретического отставания, которого не избежали многие революционные *авангарды*, «провинциализм» – игнорирование современных решающих исторических событий. «Теоретически труд» не был их достоинством. Поэтому, когда эти *авангарды* зарождались, они были полны революционными чувствами и волей, но по мере того, как они «старели», они все больше оправдывали предупреждение «Детской болезни «левизны»...»: «революционная тактика не может основываться лишь только на революционном чувстве» [1, с. 192].

Рожденные как реакция против «традиционных» компартий, эти *авангарды* появились в стороне от рабочего движения. Они выросли на почве и в границах городской мелкой буржуазии и либеральной интеллигенции, что явилось социальной фатальностью, в которой нет ничего зазорного. «В этом смысле нужно сегодня признать, что латиноамериканские имитации «фиделизма» после 1959 года, имели ту же судьбу, что европейские имитации «большевизма» после 1917 года, объявленного Лениным: они были карикатурами потому, что хотели бы повторить *результат*, не связывая его с конкретными условиями производства, с их этапами формирования. Взяли, таким образом, обертку, а не сущность». «Эта вера в успешную спонтанность прямой акции придавала исторический оптимизм. В глубине она покоилась на уверенности в то, что все пути ведут в Рим, и что однажды провозглашенная, направленная народная революция выльется в своем натиске прямо в социализм» [1, с. 194].

Идеологическая борьба иногда подменяется вооруженной борьбой. Но факты учат, что война не «унифицирует» политические разногласия, хуже

того, – она их скрывает и «инкубирует». «Умолчание противоречия кажущегося единства возвращается к тебе как бумеранг в лицо» [1, с. 195]. Отсутствие глубоких идеологических мотиваций среди членов движения есть «бомба замедленного действия», заложенная в сердце движения: детонатором послужит личное соперничество, крах или временное поражение. «Революционеры являются традиционалистами и имеют причины быть ими... Классовое сознание составляет единство с классовой памятью» [1, с. 201].

Дебре цитирует Ленина: «без революционной теории не может быть революционного движения» («Что делать?») В чем состоит «революционная теория»? В анализе и систематизации реальных «революционных движений». «Марксистско-ленинская теория латиноамериканской революции есть концентрированная из национальных опытов латиноамериканского революционного движения» [1, с. 207].

«Кто изолируется от своего прошлого, изолируется также от своего будущего». Отражение момента: *«Где мы находимся сегодня в отношении вчера?»*

«В чем состояла окончательная ошибка «Революции в революции?»..., – спрашивает Дебре и сам отвечает. – Оставить в стороне предварительные цели войны для того, чтобы сосредоточиться на методах, адекватных тому, чтобы обеспечить военный успех *однажды запущенной герильи*» [1, с. 218].

Между тем в политической реальности не было предпосылок для «победной войны». Реальное состояние соотношения сил в Латинской Америке объективно не было благоприятно для революционного наступления. Эта «лакуна» между объективными условиями народной войны и оперативным ее началом была характерна не только для того момента, но и для всего «политического проекта», порожденного этим моментом.

Эта «лакуна» между предпринятой операцией и условиями ее возможности и явилась причиной поражения «предприятия» Че.

Исторически военно-политический «проект», с которым Че связал свое имя и свою жизнь, которому кубинская революция предоставила все свое моральное и материальное содействие, и который *некорректно* называется «кастризмом», развивался в наихудших объективных условиях. В самой низшей точке развития революционной войны, как в Латинской Америке, так и в мире. Че не питал иллюзий относительно ненадежности боливийского «предприятия», которое рассматривал с естественным здравым смыслом: «положили яйца на стол, посмотрим, кто схватит больше», – сказал он однажды в лагере Фиделю, который еще меньше имел иллюзий.

«Физическое уничтожение Че, жестокое, бессмысленное, невероятное, произвело эффект холодного душа на тех, кто жил в эйфории того исключительного момента. Это символично означало реальный поворот борьбы». В 1967 году произошел подъем народного движения во многих странах. В

Чили возникло движение «Народного единства». Антиимпериалистическое движение стартовало вновь в новых условиях. Судьба Че была вписана в историю как наиболее концентрированное выражение трагического в современном мире: «В истории трагическое существует всегда, потому что должное больше, чем возможное» [1, с. 231].

Анализируя «Чилийское решето», – чилийский путь революции в начале 70-х годов, – Дебре назвал события в этой стране «возвращением Че». Чили – это единственная нация, которая пытается воплотить особую модель перехода к социалистическому обществу. Об этом сказал в своем послании Конгрессу 21 мая 1971 года президент Сальвадор Альенде. Сущностью чилийского «вызова» была попытка построить социализм на экономической и социальной основе, оставляя нетронутой политическую надстройку буржуазного государства. Чилийская «гипотеза» была трансформировать классовый характер государства *без его предварительного разрушения*.

«С того момента, в который Народное единство обрело контроль над тем нервным центром, каким был правительственный аппарат, казалось необъяснимым то, что оно смогло войти в противоречие с самим собой, провоцируя конфликты между его революционной социальной властью и своей институциональной политической властью» [1, с. 250].

Государство командует правительством. Уже известно, что государство и правительство не смешиваются. Далее известно, что правительство не есть «нервный центр», ни «точка концентрации» власти государства; или, что тоже самое: институциональная политическая власть (правительство и социальные службы) не есть власть. Исполнительная власть никогда не занимает господствующей позиции, не возвышается над Парламентом, над юридическим аппаратом, но находится на «линии огня» военного аппарата. Поэтому завоевание правительства не пересматривает характер стратегии. Господствующий класс может временно потерять контроль над политическим процессом, например, в случае электорального поражения, но он при этом не теряет контроль над государством, истинным «нервным центром» которого является репрессивный военный аппарат. В момент кризиса народное правительство без народной полиции и армии лишается материальных средств управления, так сказать, удержаться у власти. И существует иллюзия волевым началом заставить военный аппарат функционировать по новому, не меняя его «анатомию».

«Век, после Парижской коммуны, которая показала Марксу, что пролетариат «не может прямо приступить к управлению уже созданной машиной государства, не иначе как разбив военную и бюрократическую машину буржуазного государства», – некий Пиночет вынудил забывчивых перечислять классиков:... кто не разобьет Машину, будет разбит ею» [1, с. 253].

Закон находится на стороне силы. «...У социализма нет другого выбора, как стать ненавистным своим противникам».

«Революционная ситуация» не есть та ситуация, при которой «революция» располагается на расстоянии «вытянутой руки» как великолепный созревший фрукт, который остается только сорвать. Ситуация может называться «революционной» ни тогда, когда революция неизбежна, а, начиная с момента, в который становится неизбежным выбор между революционным скачком вперед или контрреволюционным скачком назад, потому что компромиссные решения и промежуточные позиции нежизнеспособны. «В этом смысле, любая революционная ситуация есть также и, по своему развиту, контрреволюционная ситуация» [1, с. 263].

Дебре возмущен «легкомыслием» тех революционеров, которые над «еще теплым трупом» президента Альянды переоделись в «судейскую тогу» и с «учительской школьной указкой», стоя за своей «кафедрой», рассуждают о том, что «нужно было уничтожить армию, а затем вооружить рабочих». Вооружение пролетариата он называет «квадратурой круга».

«История – это не витрина больших магазинов, в которых каждый покупатель может выбрать понравившуюся ему модель революции». Так иногда думают те, кто называют себя «марксистами», каковыми в действительности не являются, которые пытаются подменить «историческим материализмом» то, что называется «историей».

Как говорил Альтюссер, *марксизм есть наука неразрешимых проблем*. Дебре выражает надежду на то, что наука истории со временем откроет все двери. «...Задача истории дать ответы, но они никогда не будут ответами на те вопросы, которые формулируют теоретики» [1, с. 291].

Во второй своей книге «Проверка огнем. Критика оружия 2» Дебре на примере трех «трагических историй» выдающихся революционных движений Латинской Америки, – в Венесуэле (1963), в Гватемале (1966), в Уругвае (1972), – ставит целью показать, *как* в определенной стране и в определенный период начиналась вооруженная революция, «разрывая слепую плоть и кровь бойцов». Он берет на себя всю полноту ответственности за систематизацию фактов и их оценки: «человек или эпоха, партизанское движение или революционная организация не могут быть судимы по идее, которую они создают в самих себе и которую переносят на своих современников в форме заявлений и программы» [2, с. 13].

Венесуэльская революция была на год старше, чем кубинская революция. Но она не смогла пережить «детской болезни» и умерла. Венесуэла могла быть первой социалистической страной континента, если в 1958 году революционное руководство смогло бы продемонстрировать большую смелость, а не отдало историческую инициативу «неоколониальной» буржуазии. Венесуэльская революция поставила фундаментальный вопрос: «мо-

жет ли вооруженная борьба развиваться внутри рамок представительной демократии, против господствующего класса, который не ликвидировал общественные свободы и сохраняет, в одних случаях лучше, чем в других, конституционную легитимность?».

Когда в Венесуэле сложилась революционная ситуация в 1958-1962 годах, не было того политического руководства, которое могло бы этим воспользоваться. Когда такое руководство появилось, революционная ситуация исчезла, так как господствующий класс нашел *институционный* выход из политического кризиса после падения диктатуры Переса Хименеса. Иными словами, когда были даны объективные условия, не было субъективных, а когда появились субъективные, уже не было объективных. Дебре называет это «курьезной иронией истории», которая в Латинской Америке стала «исторической традицией».

Первая ошибка относится к определению *характера* революции. Главная «дефиниция» революции зависит от ответа на вопросы о том, каковы «друзья народа», каковы его враги, наконец, что есть *народ*, из каких социальных классов он состоит. Определение характера революции предполагает определение характера общественно-экономической формации, установление главного противоречия относительно вторичных противоречий. Это позволит определить этап революционного процесса, а также и объективно востребованные данным этапом социальные союзы. Смена главного противоречия определяет развитие этапов.

«Для того чтобы революционный процесс завершился реально, а не формально, социально, а не теоретически, на своем последнем этапе определения как социалистической и пролетарской революции, важно, чтобы этот процесс имел физическое время для того, чтобы пройти предыдущие этапы, использовал свои внутренние противоречия, для того, чтобы он смог диалектически породить, сам по себе, и, не считаясь ни с чем, кроме собственных сил, свою собственную избыточность. Более того, для того, чтобы этап кульминации был естественным результатом внутреннего *перероста*, необходимо, чтобы фаза роста этого процесса могла развиваться нормально» [2, с. 34].

Венесуэльская революция должна была быть националистической и демократической, но не смогла стать ею, так как была вовлечена во «вращающееся и вихревое движение», которое навязало всем политическим силам континента историческую неизбежность [*«центрифугу»*] быть похожей на кубинскую революцию.

Шестидесятые годы были на всем континенте годами «глубокого разрыва социальной и политической ткани». В революционном движении есть противоречивая двойственность. Революция консолидирует, но она же и ослабляет. Перегруппируя одних, она отталкивает других. Диалектика здесь в том, что

одно является условием другого. Но, тем не менее, это – одно «двойное» движение, два его «аспекта», а не два различных движения. Таковы последствия национальной революции, выходящей за свои национальные границы.

Таковы последствия «послекубинской диалектики». Куба заставила латиноамериканскую классовую борьбу резко перейти на высокий уровень, к которому эксплуатируемые классы и их *авангарды* не были готовы. «Венесуэльцы, те, кто испытал на себе это, заплатили за это дорого». «Стремясь обмануть всех, революционное руководство обмануло само себя... Члены партии пришли в себя от бредового сна, рожденного образами Октябрьского восстания и Сьерра-Маэстра» [2, с. 45].

«Национальные кризисы предполагают, а политические партии располагают». Дебре пишет о том, что «первые имеют пагубную привычку избавляться от тех, кто не воспользовался ими в нужный момент». Когда данный социальный кризис не может заставить политических руководителей принять от него «предложения», то он «внедряется как крот» внутрь самих партий, разобщая и подрывая их. Всегда существует опасность вооружить членов партии в момент энтузиазма без идеологической и политической подготовки. Многие члены партии уходили в горы с убеждением в том, что через шесть месяцев они как герои пройдут по улицам городов. Поэтому, когда они увидели разрушающимися эти волшебные политические сказки, они потеряли веру в самих себя. «Деморализация для бойца это – то же самое, что демобилизация».

Так происходит в периоды спада. В период спада или стабилизации классовой борьбы, борьба против классового врага объективно переходит в борьбу против фальшивых друзей в самом этом классе и против оппортунизма или ревизионизма в самих классовых организациях. Иначе говоря, внутренняя идеологическая и политическая борьба выходит на первый план. В период подъема наоборот, борьба против оппортунизма переходит в борьбу против классового врага, политическая или военная борьба оставляет на втором плане внутреннюю идеологическую борьбу. «Кризис революционного движения, прежде всего, есть кризис руководства».

Если шестидесятые годы не дали решение революционной проблемы, то они еще меньше должны были ее ставить, считает Дебре.

Обращаясь ко второй «трагедии» латиноамериканской революции, к движению «тупамарос» в **Уругвае**, – Дебре отмечает: «Столь же нелепым, как был их «фокизм» вчера, может стать их «марксизм-ленинизм» завтра». «Что явилось лучшим из их прошлой деятельности, – это способность осветить свою политику и идеологию *национальными* формами и содержанием» [2, с. 117].

Политическое поражение всегда ставит вопрос: было ли оно результатом поражения генеральной политической линии или результатом прило-

жения ее на практике. Опыт вооруженной борьбы «тупамарос» в «мирном» Уругвае имеет положительное значение. Они показали «модель», которая не может служить ни «проводником», ни должным примером, ни принципами организации. Необходимо учиться на уроках «тупамарос».

Режи Дебре цитирует книгу Омара Коста «Тупамарос» (1972 г.):

Из документа «Тупамарос» (1968 г.): «...Любой вооруженный аппарат должен формироваться как часть политического аппарата масс на определенном уровне революционного процесса» [2, с. 127]. «Ирония истории жестока», – комментирует Дебре. Для «тупос» это значит, что то, что было «сильно» и «великолепно» вначале, обернулось трудностями и причинами поражений позже.

Из документа «Тридцать вопросов к тупамарос» (1968 г.): «Для того, что сделать революцию, не нужно «шлифовать» платформы и программы. Основные принципы социалистической революции даны и проверены в таких странах как Куба, и нечего больше обсуждать. Достаточно примкнуть к этим принципам и обозначить делами повстанческий путь для достижения их применения» [2, с. 183-184].

По этому поводу Дебре настаивает на том, что каждое революционное движение Латинской Америки имеет необходимо масштаб, качество и дефекты своего класса происхождения и национального формирования. Здесь он вновь ссылается на Ленина: «идеологический эклектизм, – его противоположная или обратная сторона прагматизм, – составляют формы мелкобуржуазного *либерализма*, и либеральная организация не может дальше вести революцию пролетарского и социалистического характера *без того, чтобы ни трансформироваться сама по пути*» [2, с. 189].

Нет принципов «верных» и принципов «фальшивых» самих по себе: есть принципы адекватные или нет для данной ситуации, для одной фазы общественного развития. С революционными идеями случается как с лозунгами: лозунг, пригодный сегодня, может оказаться завтра ошибочным, если между тем изменилась объективная ситуация. «Единство укрепляется, начиная и вокруг принципов, и они не падают с неба: они выплавляются и очищаются в идеологической борьбе» [2, с. 196].

Задавая вопрос: о *какой идеологии* идет речь, – он связывает его с вопросом: *какая политическая линия* имеет место. По этому поводу Дебре цитирует Бернштейна: «движение все, цель ничто» и сравнивает его с аргентинским диктатором Перроном, называя это «удивительным, но верным сравнением». В Аргентине, как и в Уругвае, социализм осуществляет свое историческое появление как «идеологическая глава», импортированная из Европы. «Заложники унаследованного и вынужденного европоцентризма социалисты казались национальным массам в течение десятилетий ино-

странными наростами, более или менее фольклорными, медицинскими и странными кистами, приобретенными за пределами страны» [2, с. 205].

В «доминирующих», европейских, странах «стихийная магнитная стрелка» размещает интернационализм слева, а национализм справа. В «зависимых», латиноамериканских, странах происходит иначе: национализм располагается скорее слева, чем справа. А интернационализм ассоциируется слишком далеко от гегемонии пролетариата, а ближе с проникновением большого иностранного капитала. Отсюда «трагикомическая ситуация» после Второй мировой войны: поддержка «великой демократии на Севере», союз с военными и диктаторскими режимами страны, «борьба за мир», в то время как гражданская война внутри страны достигла своего апогея.

«Такова была в течение долго времени пагубная альтернатива или фатальная антиномия, следствие разделения между национализмом и социализмом» [2, с. 209].

Кубинская революция разорвала этот «порочный круг», «социализировав» определенные националистические элементы и «национализировав» многие социалистические элементы, реализовала «практический синтез нового исторического периода».

«...Революционные националисты не умеют связать национальный *гнет* с классовой *эксплуатацией*, забывают, что национальный гнет есть лишь *следствие* отношений интернациональной эксплуатации и что невозможно покончить с одним, не предприняв это с другим... Поэтому, не имея теоретических принципов, ни практических методов реализовать то, что обозначено как главная задача, национальное освобождение, уже потому, что атакуется следствие, а не причина, революционный национализм влечет за собой поражение, как тучи влекут дождь».

«*Латиноамериканская нация* – да, но под эгидой какого социального класса и во благо какого классового интереса?» [2, с. 216].

Дебре, по этому поводу, замечает, что, желая превознести национальный интерес над классовыми интересами эксплуатируемых, «революционный национализм протягивает руку бонапартизму. Позиция «революционного национализма» не предрасполагает особенно к строгой и точной оценке революционных явлений.

Многие националистические революционные движения навредили сами себе, победив слишком быстро, считает Дебре. Скороспелое взятие власти дорого оплачивается. И невозможно править долго, классово не определившись в отношении врага. Сводить идеологическую позицию к скромному статусу «директивы к действию» позволяет, без сомнения, реализовать впечатляющие акции, поразительные операции немедленно, но они быстро истощаются и прекращаются. Эта деятельность обеспечивает успешные «удары рукой» («рукопашной»), но не выдерживает длительной

войны. В качестве примера Дебре приводит Перона, легко взявшего власть в 1848 году и столь же легко ее потерявшего.

Имеет место большая дистанция от националистической идеологии, с ее «треножником»: политическая суверенность, экономическая независимость и социальная справедливость, – к революционной теории, и наоборот, революционная теория никогда не проникнет в массы, никогда не будет решающей материальной силой, если не примет профиль национальной идеологии. Опыт учит, что намного легче и плодотворнее идти от революционного национализма к марксизму, чем наоборот. Революционные националисты, которые приходят к марксизму и пролетарскому социализму, могут сохранить свою основу в массах и завоевать определенную классовую позицию, новое теоретическое оружие и интернационалистское сознание. Например: Кубинская революция.

Обратившись, по этому поводу, к революционному опыту **Гватемалы**, Дебре отмечает:

Ни одно латиноамериканское партизанское движение, за исключением колумбийского, не имело столь большой опорной базы в самом регионе операций. Но эта поддержка *герильей* не смогла быть использована должным образом, ни даже организована. «Абстрактный вопрос союза рабочих и крестьян имеет конкретно выраженный вопрос союза между «грамотными» и «туземцами». ...Интеграция туземцев к разработке, к задачам исполнения и руководству революционной борьбой есть проблема №1 гватемальской революции, но также наиболее трудная в решении» [2, с. 288].

В то же время в стране правительством впервые была методически применена противоповстанческая тактика, с «двойным лицом» – гражданским и военным. «Ее формула резюмируется в двух словах: *противо-герилья* = *демагогия+террор*» [2, с. 290].

Демагогия: следуя рекомендациям «Союза ради прогресса», латиноамериканское приложение этой универсальной формулы, запустило в ход проект «гражданского действия» среди населения. Армия построила школы, мосты, улучшила дороги, находившиеся в плохом состоянии, или проложила новые в сельве, участвовала в работах по осушению. «Все эти средства достигли, без сомнения, цели, которой стремились: противопоставить крестьян *герильи*, нейтрализовать середняков и вовлечь бедных» [2, с. 291].

Террор: с 1965 года центральной идеей было сделать так, чтобы репрессии казались исходящими не сверху от государства, а снизу как народная стихийная гражданско-религиозная реакция, которая запустила в ход традиционные католические идеалы против Антихриста. Появились гражданские ассоциации за «установление атмосферы порядка, безопасности и труда».

Из экономической программы правительства: «Капитал должен иметь социальную функцию. Для того чтобы было так, и для достижения истинного равновесия между капиталом и трудом, трудящиеся должны участвовать в прибылях предприятий».

Что касается национальных истоков революции в Гватемале, Дебре пишет, что в своем источнике, *герилья* не была *развязана*, а была *привита*. Рожденная политическим решением, в разгар национального кризиса с марта по апрель 1962 года в среде средних и городских слоев, она была перенесена в деревню. Это было серьезной политической ошибкой, предопределившей ее крах.

Таким образом, философская концепция революции, сформулированная Режи Дебре для Латинской Америки во второй половине XX века, представляет собой, по сути, развитие ленинской концепции революции для России начала XX века. Эти концепции теоретически разделило время, но практически объединил исторический опыт.

Библиографический список

1. Debray Régis. La critica de armas / Régis Debray. — Madrid: Siglo veintiuno editores, 1975. — 291 p.
2. Debray Régis. Las pruebas de fuego. La critica de las armas 2 / Régis Debray. — Madrid: Siglo veintiuno editores, 1976. — 339 p.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.